

В.В. Груздев

с е р и я
н а у к а

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ

КНИГА ВТОРАЯ:
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ЗАЩИТЫ

ЮСТИЦ ИНФОРМ

Владислав Груздев

**Гражданско-правовая
защита имущественных
интересов личности. Книга 2.
Отдельные аспекты защиты**

«Юстицинформ»

2014

Груздев В. В.

Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности. Книга 2. Отдельные аспекты защиты / В. В. Груздев — «Юстицинформ», 2014

ISBN 978-5-7205-1218-7

Настоящей книгой автор продолжает исследование гражданско-правовой защиты, предпринятое в монографии «Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности. Книга первая: общие положения» (М.: Юстицинформ, 2012). В данной работе освещены наиболее актуальные в теоретическом и практическом отношении вопросы рассматриваемой темы. Вместе с тем осмысливаются предложения, относящиеся к еще предстоящим этапам реформы гражданского законодательства. Издание предназначено для студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений, научных и практических работников, а также всех тех, кому интересны проблемы современного гражданского права.

ISBN 978-5-7205-1218-7

© Груздев В. В., 2014
© Юстицинформ, 2014

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
1.1. Система охранительных правоотношений	6
1.2. Эквивалентные охранительные обязательства	9
1.2.1. Реституционное обязательство	9
1.2.2. Кондикционное обязательство	14
1.3. Внеэквивалентные охранительные обязательства	20
1.3.1. Обязательство возмещения убытков	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владислав Викторович Груздев

Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности.

Книга вторая: отдельные аспекты защиты

Предисловие

Настоящая книга является продолжением исследования автором феномена гражданско-правовой защиты как деятельности управомоченного (заинтересованного) участника имущественного оборота по реализации принадлежащей ему защитительной возможности – охранительного субъективного права или охранительного правомочия, входящего в состав нарушенного или оспоренного регулятивного права.

В монографии «Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности. Книга первая: общие положения» (М.: Юстицинформ, 2012) были подвергнуты анализу проблемы гражданско-правовой защиты, имеющие для ее целостного изучения «сквозное» значение. Теперь, по логике юридического мышления, необходимо освещение отдельных аспектов защитительной деятельности, что и сделано в настоящем издании. При этом выбраны наиболее актуальные в теоретическом и практическом отношении вопросы. Иными словами, если книга первая есть общая часть теории гражданско-правовой защиты, то предлагаемая читателю книга – особенная часть данной теории.

Исходя из структуры предыдущего изложения, книга вторая открывается главой, посвященной особенностям гражданско-правовой защиты в охранительном правоотношении. Затем анализируются особенности гражданско-правовой защиты в регулятивном правоотношении. Завершается исследование освещением основных цивилистических проблем юрисдикционной формы гражданско-правовой защиты.

Нормативный материал учтен по состоянию на 1 октября 2013 г. Вместе с тем осмысливаются предложения, относящиеся к еще предстоящим этапам реформы гражданского законодательства.

Глава 1

Особенности гражданско-правовой защиты в охранительном правоотношении

1.1. Система охранительных правоотношений

В цивилистической литературе справедливо подчеркивается чрезвычайное разнообразие защитительных возможностей, предоставляемых обладателю нарушенного (оспоренного) права (охраняемого законом интереса)¹. При этом, как указывалось в параграфе 4.1 книги первой, гражданско-правовая защита может осуществляться в рамках либо регулятивного правоотношения, либо охранительного обязательства. Вместе с тем по смыслу ст. 12 ГК меры гражданско-правовой защиты предусматриваются законом, т. е. определяются по принципу замкнутого перечня, который не может дополняться по произвольному усмотрению участников оборота. Перед научным исследованием встают важные задачи: 1) показать отличительные особенности гражданско-правовой защиты в регулятивном и охранительном правоотношениях; 2) систематизировать многочисленные возможности, реализация которых составляет содержание каждой из упомянутых разновидностей гражданско-правовой защиты; 3) раскрыть существо отдельных защитительных возможностей, а также проанализировать основные проблемы их практической реализации. Данные задачи решаются в настоящей и последующей главах настоящей книги.

Гражданско-правовая защита в охранительном правоотношении осуществляется посредством реализации управомоченным (заинтересованным) лицом охранительного субъективного права, входящего в содержание данного правоотношения. В этом случае защита выражается в исполнении охранительного правоотношения (или, что то же самое, охранительного обязательства). Вполне логично поэтому, что особенности такой защиты всецело определяются спецификой соответствующего правоотношения, которая подвергнута исследованию в главе 5 книги первой.

Действующим законодательством к числу обязательств прямо отнесены охранительные правоотношения из нарушения другого правоотношения, из причинения вреда, из неосновательного обогащения (кондикционные обязательства)². Гражданско-правовая наука и судебная практика дополняет этот перечень обеспечительными, виндикационными, негаторными, реституционными правоотношениями³.

¹ См., напр.: Рожкова М.А. Средствами способы правовой защиты сторон коммерческого спора; Власть и бизнес: взаимная ответственность: комментарий к законодательству (постатейный) [Электронный ресурс] / под ред. В.М. Жуйкова, Э.Н. Ренова. – М., 2004// СПС; Кархалев Д.Н. Охранительное гражданское правоотношение. – М., 2009. – С. 328.

² См. соответственно гл. 25, 59, 60 ГК РФ.

³ Крашенинников Е.А. Уступка притязания из ст. 301 ГК РФ // Очерки по торговому праву: сб. науч. тр. / под ред. Е.А. Крашенинникова. – Ярославль, 2003. – С. 36–40; Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. – М., 2007. – С. 425–433; Белов В.А. Теоретические проблемы учения о способах обеспечения исполнения обязательств [Электронный ресурс] // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2006. – № 12. Электрон, версия печат. публ. // СПС; Кархалев Д.Н. Указ. соч. – С. 178–328; п. 6 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 102 «Обзор практики применения арбитражными судами ст. 409 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС. Недопустимость отнесения к числу охранительных обязательств обеспечительных правоотношений обоснована в параграфе 5.4 книги первой. Самостоятельность реституционного правоотношения как охранительного обязательства подтверждается соображениями, изложенными в следующем параграфе настоящей книги. Существование виндикационных и негаторных обязательств будет опровергнуто в параграфе 2.3.2.1.

Под классификацией как теоретическим приемом понимается процесс разделения изучаемого явления на виды с использованием *строго определенного критерия*. Что касается систематизации, то ею принято считать процедуру упорядочения различных видов явления на основе существующих между ними связей.

Как видно, классификация и систематизация являются взаимодополняющими друг друга научными методами. Систематизация, направленная на сведение воедино предварительно расчлененных по различным признакам видов явления, не исключает, а, напротив того, как правило, предполагает определенную комбинацию проведенных по *нескольким критериям* классификаций данного явления.

Следовательно, в процессе систематизации многочисленных защитительных возможностей, принадлежащих обладателю нарушенного (оспоренного) субъективного гражданского права (охраняемого законом интереса), вполне допустимо использование нескольких классификационных групп.

Отталкиваясь от основных классификаций охранительного обязательства, подробно исследованных в параграфе 5.5 книги первой, возможно построить следующую *систему рассматриваемых правоотношений*:

1. Эквивалентные охранительные обязательства. К их числу относятся реституционное и кондикционное обязательства, порождаемые нарушением регулятивного права или охраняемого законом интереса в сохранении регулятивного права, которое было утрачено в результате такого нарушения.

Реституционное обязательство возникает при поступлении имущества потерпевшего к другому лицу вследствие исполнения недействительной сделки, условиями которой определяется содержание специального гражданско-правового отношения. В отличие от этого кондикционное обязательство порождается приобретением имущества одним лицом за счет другого, в основании которого (приобретения) какое-либо правоотношение отсутствует.

И реституционное, и кондикционное обязательство может быть: определенным (если оно порождается приобретением денег) или определенным (если оно порождается приобретением имущества иного, нежели деньги); натуральным (натуральная реституция – при возврате полученного по сделке в натуре; натуральная кондикция – при возврате неосновательного обогащения в натуре) или денежно-стоимостным (компенсационная реституция – при денежном возмещении стоимости полученного; компенсационная кондикция – при денежном возмещении стоимости неосновательного обогащения).

Натуральные реституционное и кондикционное обязательства направлены на возврат полученного в натуре (имеют место и в случае, когда нарушителем были получены денежные средства потерпевшего как вещи, определяемые родовыми признаками). Компенсационные реституционное и кондикционное обязательства направлены на возврат стоимости полученного в деньгах (при отсутствии возможности натурального восстановления нарушенного имущественного положения).

В юридической литературе натуральную реституцию зачастую сводят к реституции владения переданной по сделке и сохранившейся в натуре индивидуально-определенной вещью⁴.

Приведенная точка зрения необоснованно сужает действительное содержание соответствующей правовой нормы. Ведь в гражданском праве действует начало, в соответствии с которым восстановление имущественного положения потерпевшего осуществляется в натуре; предоставление денежного эквивалента утраченного допускается в случае невозможности натурального восстановления. Поэтому возврат переданного по недействительной сделке должен производиться в натуре, пока существует соответствующая возможность, независимо от

⁴ Тузов Д.О. Указ. соч. – С. 449; Российское гражданское право: учебник. В 2 т. Т. I/отв. ред. Е.А. Суханов. – М., 2010. – С. 385–386 (автор главы – В.С. Ем).

того, сохранились ли у обязанного лица полученные по сделке вещи, или у него имеются аналогичные вещи (вещи того же рода и качества). Отсюда видно, что реституция владения является всего лишь частным случаем натуральной реституции, который имеет место при возврате переданных по недействительной сделке индивидуально-определенных вещей.

Реституционное и кондикционное обязательства с множественностью лиц (независимо от ее разновидности) являются строго долевыми, т. е. не могут быть солидарными или субсидиарными, поскольку это не предусмотрено законом. Если же возникновение солидарности или субсидиарности определяется сторонами соответствующего обязательства, последнее в силу п. 1 ст. 414 ГК РФ оказывается новированным в договорное правоотношение, предусматривающее иной способ исполнения. Кроме того, исключается существование регрессных эквивалентных охранительных обязательств.

2. Внеэквивалентные охранительные обязательства. Ими являются: обязательство по возмещению убытков (денежное деликтное обязательство, обязательство компенсации морального вреда, вреда от процессуальной волокиты); обязательство натурального возмещения; обязательство по уплате процентов за пользование чужими денежными средствами.

Среди внеэквивалентных обязательств определенным является обязательство по уплате процентов за пользование чужими денежными средствами, определяемыми – обязательство по возмещению убытков и обязательство натурального возмещения.

Внеэквивалентные охранительные обязательства могут возникать из нарушения не только регулятивного права, но и охранительного, выступая в последнем случае субохранительной юридической связью (например, так называемые «сложные проценты», обязательство по возмещению убытков, вызванных последующим изменением стоимости неосновательно полученного или сбереженного имущества).

Натуральным внеэквивалентным охранительным правоотношением является обязательство натурального возмещения. Остальные внеэквивалентные охранительные правоотношения представляют собой денежно-стоимостные (компенсационные) охранительные обязательства.

Все внеэквивалентные охранительные правоотношения могут иметь активную, пассивную или смешанную множественность лиц, выступая при этом долевыми, солидарными или субсидиарными обязательствами, что в каждом конкретном случае определяется постановлением положительного права или условиями договора.

Кроме того, обязательство по возмещению убытков является регрессным, если оно порождается нарушением регрессатом права регредента, а именно умалением имущества последнего вследствие исполнения в пользу третьего лица (потерпевшего от действий регрессата) охранительной обязанности.

1.2. Эквивалентные охранительные обязательства

Эквивалентные охранительные обязательства строятся по принципу «верни чужое». Возлагаемое на нарушителя обременение в виде необходимости передачи потерпевшему имущественной ценности эквивалентно тому имущественному приобретению за счет потерпевшего, которое явилось следствием нарушения. При этом речь идет о *положительной обязанности, качественно отличающейся* от нарушенной регулятивной негативной обязанности воздерживаться от действий, которые нарушают чужое имущественное право, пользующееся абсолютной защитой.

1.2.1. Реституционное обязательство

В современной цивилистике, исходя из положений п. 2 ст. 167 ГК РФ, под реституцией принято понимать возврат полученного по недействительной сделке⁵. В то же время по вопросу о месте реституции в системе гражданско-правовых явлений сложилось два противоположных мнения: одни авторы полагают, что она реализуется в рамках самостоятельного правоотношения⁶, другие в той или иной мере отрицают это⁷.

По мнению автора, реституционное правоотношение обнаруживает четкое нормативное своеобразие, юридическую необходимость самостоятельного существования.

Приобретение (сбережение) имущества по недействительной сделке, как факт реальной действительности, имеет следующие отличительные особенности: 1) является результатом любого имущественного предоставления, а не только передачи индивидуально-определенной вещи; 2) предполагает эквивалентное встречное предоставление (если речь идет о возмездной недействительной сделке); 3) выступает следствием, как правило, добровольных действий самого потерпевшего; 4) производится на согласованных условиях, составляющих содержание сделки.

Нетрудно заметить, что использование в целях восстановления имущественного положения лица, исполнившего недействительную сделку, таких способов защиты гражданских прав, как истребование имущества из чужого незаконного владения, возврат неосновательного обогащения и возмещение внедоговорного вреда, крайне затруднительно.

Во-первых, исполнение недействительной сделки может выражаться в выполнении работы или оказании услуги, что полностью исключает возможность истребования исполненного посредством виндикационного иска, всегда направленного на возврат индивидуально-определенной вещи.

Во-вторых, вследствие исполнения возмездной недействительной сделки происходит взаимный обмен имущественными ценностями, которые предполагаются равными по стоимости (эквивалентными). Поэтому в соответствующих случаях обогащение на стороне одного из контрагентов за счет другого не образуется. Так, в абз. 3 п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федера-

⁵ В классическом римском праве термином *in integrum restitutio* обозначалось экстраординарное преторское средство, устранявшее в плоскости *ius honorarium* правовой эффект того или иного юридического факта, вполне действительного с точки зрения *ius civile*, и являвшееся, по сути, прообразом аннулирования оспоримой сделки в современном праве (Тузов Д.О. Указ. соч. – С. 397). Такое понимание реституции имеет исключительно историческое значение, а поэтому любые попытки задействовать его в целях современных исследований методологически не состоятельны.

⁶ См., напр.: Скловский К.И. Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. – 2002. – № 8. – С. 108–122; Смирнова М.А. Соотношение обязательственных требований в российском гражданском праве // Актуальные проблемы гражданского права: сб. ст. Вып. 7 / под ред. О.Ю. Шилохвоста. – М., 2003. – С. 190 и др.

⁷ См., напр.: Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. – М., 1951. – С. 219–225; Тузов Д.О. Указ. соч. – С. 475–478 и др.

ции от 8 октября 1998 г. № 13/14 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» (далее – постановление Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 8 октября 2010 г. № 13/14) указывается, что при применении последствий недействительности сделки, когда одна из сторон получила по сделке денежные средства, а другая – товары, работы или услуги, следует исходить из равного размера взаимных обязательств сторон; при этом нормы о неосновательном денежном обогащении могут быть применены к отношениям сторон лишь при наличии доказательств, подтверждающих, что полученная одной из сторон денежная сумма явно превышает стоимость переданного другой стороне, то есть когда действительно имеет место обогащение.

В-третьих, невозможность возврата полученного по недействительной сделке в натуре может явиться следствием обстоятельств, не зависящих от действий стороны, обязанной возвратить полученное (в том числе когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге), причем наступлению такой невозможности зачастую способствует поведение самого потерпевшего, исполнившего сделку. В этих условиях восстановить нарушенный имущественный интерес с помощью конструкции деликтного обязательства, возникающего по общему правилу при наличии вины причинителя вреда, весьма проблематично.

Наконец, и в тех случаях, когда по недействительной сделке передана сохраняющаяся в натуре вещь, когда исполнение недействительной сделки привело к обогащению (в безвозмездных договорах и в возмездных договорах, исполненных только одной стороной) или когда невозможность возврата полученного наступила вследствие виновных действий стороны, обязанной возвратить имущество, модели соответственно виндикационной, кондикционной или деликтной защиты также не пригодны в целях восстановления нарушенного интереса. Дело в том, что для приведения участника оборота в положение, в котором он находился до исполнения недействительной сделки, необходимо предварительно установить, в чем именно выражаются недействительность сделки и само исполнение. А это возможно сделать, только исследовав условия недействительной сделки, на которых произведено исполнение. Словом, реституционная обязанность всегда определяется содержанием исполненной недействительной сделки.

Отменяя состоявшиеся по делу о признании недействительным договора и применении последствий его недействительности судебные акты, Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в своем постановлении отметил, что не определена правовая природа договора и действительная воля сторон, то есть не установлено, на достижение какого результата направлена сделка, без чего невозможно решить, в чем заключается возврат сторон в первоначальное положение⁸.

Таким образом, для устранения неблагоприятных последствий принятия исполнения по недействительной сделке требуется особая юридическая конструкция, которая бы в полной мере учитывала безусловное качественное своеобразие данного обстоятельства объективной реальности. Такой конструкцией и выступает реституционное правоотношение, направленное на максимальное аннулирование тех имущественных изменений, которые наступили у участников гражданского оборота вследствие исполнения ими недействительной сделки. В случае с реституцией нарушение субъективного права, как основание гражданско-правовой защиты, заключается в поступлении имущества одной стороны в распорядительную сферу другой стороны в связи с исполнением специального правоотношения, порожденного недействительной сделкой (как оспоримой⁹, так и ничтожной). Этого не наблюдается в случае с кондикционным

⁸ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 19 сентября 1995 г. № 5978/95//СПС.

⁹ Современный законодатель в п. 1 ст. 167 ГК РФ прямо предусмотрел, что оспоримая сделка признается судом недействительной с момента ее совершения, т. е. всегда с обратной силой (хотя при этом ее действие в предусмотренном п. 3 ст. 167 ГК РФ случае и может быть прекращено только на будущее время). Следовательно, и здесь имущество поступает нарушительно

обязательством, где нарушение субъективного права выражается в переходе имущества к приобретателю вне рамок какого-либо правоотношения (например, вследствие предоставления исполнения по незаключенному договору, который в отличие от недействительной сделки есть всегда юридическое «ничто»).

В зависимости от особенностей предмета реституционного обязательства следует выделять две его разновидности, нашедшие закрепление в п. 2 ст. 167 ГК РФ, – *обязательство натуральной реституции*, направленное на возврат полученного в натуре (имеет место и тогда, когда исполнение выражалось в передаче денежных средств), и *обязательство денежно-эквивалентной (или компенсационной) реституции*, направленное на возврат стоимости полученного (при отсутствии возможности натуральной реституции¹⁰).

Будучи охранительным правоотношением, реституционное обязательство относительно, а его субъектами могут быть только стороны недействительной сделки¹¹. В связи с этим возникает вопрос, подлежит ли возврату переданное по недействительной сделке имущество стороне, которая не имеет на него никакого права?

Одна группа авторов полагает, что при реституции имущество возвращается сторонам недействительной сделки только потому, что сделка является недействительной, то есть независимо от наличия у сторон на это имущество каких-либо прав¹². Данный подход закреплен в п. 3 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения», где сказано, что в соответствии со ст. 12, 167 ГК РФ применение последствий недействительности сделки является самостоятельным способом защиты гражданских прав; в рамках этого спора право истца на имущество исследованию не подлежит, однако удовлетворение такого иска не предreshает исход возможного спора о принадлежности имущества.

Высказана и точка зрения о невозможности реституции в случаях отсутствия у лица титула владения или охраняемого законом интереса в восстановлении владения вещью¹³.

На легальном уровне данная проблема нашла отражение в нормах п. 2 и п. 3 ст. 166, п. 4 ст. 167 ГК РФ. По смыслу данных правовых норм требование о применении последствий недействительности сделки (как ничтожной, так и оспоримой) вправе предъявить ее стороны и указанные в законе лица; однако суд вправе не применять последствия недействительности сделки, если их применение будет противоречить основам правопорядка или нравственности.

Предоставление исполнения – передача имущественной ценности, с которой связывался юридический интерес должника, включая интерес, реализованный в субъективном праве. Стороны недействительной сделки вправе осуществлять реституционную защиту постольку, поскольку предоставляют исполнение, изменяющее их имущественное положение, охраняемое законом. Соответственно применительно к сторонам недействительной сделки действует презумпция о том, что они являются носителями нарушенных прав или законных интересов, поскольку предоставили исполнение по такой сделке. Однако если имеющиеся в деле доказательства опровергают указанную презумпцию, в частности когда сделка недействительна именно потому, что лицо распорядилось чужой вещью, не находясь по поводу нее с собственником в какой-либо регулятивной связи (например, приговором суда по уголовному делу уста-

вследствие исполнения потерпевшим специального правоотношения из недействительной сделки.

¹⁰ Естественно, возникновение обязательства компенсационной реституции исключается, если исполнение выражалось в передаче денежных средств.

¹¹ См., напр.: постановление Президиума ВАС РФ от 23 ноября 2004 г. № 8414/04; постановление Президиума ВАС РФ от 21 ноября 2006 г. № 9308/06 // КонсультантПлюс: справ, правовая система.

¹² Российское гражданское право: учебник. В 2 т. Т. I /отв. ред. Е.А. Суханов. – С. 386 (автор главы – В.С. Ем); Скловский К.И. Некоторые проблемы реституции. – С. 109–110; Суханов Е.А. Вещные права и права на нематериальные объекты // Вестник ВАС РФ. – 2007. – № 7. – С. 26.

¹³ Тузов Д.О. Указ. соч. – С. 451–459.

новлено, что осужденным как продавцом сбыто краденое имущество), реституционный иск стороны, не предоставлявшей исполнение в юридическом смысле, не может быть удовлетворен; не подлежит ей возврату имущество и при применении реституции по иску другой стороны, *поскольку иное противоречило бы основам правопорядка*. В подобных случаях лицо, получившее имущество по недействительной сделке, обязано при наличии предусмотренных ст. 302 ГК РФ оснований возвратить имущество собственнику или управомоченному им лицу, но не другой стороне сделки. Говоря иначе, имеет место одно реституционное обязательство, но не односторонняя реституция, предполагающая применение штрафной санкции к недобросовестному участнику недействительной сделки¹⁴.

В современной российской цивилистике предпринята попытка обосновать действительность продажи чужой вещи¹⁵. При этом нередко обращаются к категориям гражданского права, предназначенным для решения совершенно иных задач.

«Если бы обязательственный договор в случае неуправомоченности отчуждателя был недействительным, – пишет Д.О. Тузов, – то не существовало бы и норм об ответственности за эвикцию (ст. 461, 462 ГК), ибо эта ответственность является *договорной* и наступает за *ненадлежащее исполнение договора*; при недействительности же сделки никакой ответственности за ее неисполнение или ненадлежащее исполнение быть не может, так как нет самой обязанности эту сделку исполнить»¹⁶.

В результате вовлечения в «чуждую орбиту» понятие ответственности за эвикцию получает неожиданную интерпретацию, неизбежно утрачивая свое истинное назначение.

Так, К.И. Скловский подчеркивает: «Ответственность за эвикцию... возникает не потому, что действительна продажа чужого, а потому, что вводится разъединение ответственности за эвикцию и договора купли-продажи: одна сделка (по установлению ответственности на случай эвикции) независима от другой... Ответственность за эвикцию в известном смысле сближается с гарантией, действие которой не увязано с виной»¹⁷.

О.Г. Ломидзе указывает даже, что «положения ст. 461 ГК РФ носят дисциплинирующий характер и сопрягают возникновение обязанности неуправомоченного отчуждателя возместить несостоявшемуся покупателю понесенные им убытки с самим фактом изъятия товара у покупателя третьим лицом безотносительно к действительности сделки»¹⁸.

Удивительно, что, рассуждая подобным образом, авторы не обращают никакого внимания на буквальную формулировку п. 1 ст. 461 ГК РФ, трактующую эвикцию как изъятие товара у покупателя третьими лицами по основаниям, возникшим *до исполнения* договора купли-продажи.

Из указанной формулировки вполне определенно следует недопустимость существования правоотношения по договору купли-продажи чужого товара, которое, действительно, никак не вписывается в рамки российского правопорядка. Иначе разумный законодатель ука-

¹⁴ Данное обстоятельство не учитывают, например, А.В. Егоров, М.А. Ерохова, А.М. Ширвиндт, возражающие против использования реституции в качестве способа защиты права покупателя по договору купли-продажи чужого имущества (Егоров А.В., Ерохова М.А., Ширвиндт А.М.). Обобщение применения арбитражными судами норм ГК РФ о вещно-правовых способах защиты права [Электронный ресурс] // Вестник гражданского права. – 2007. – № 4. Электрон. версия печат. публ. // СПС. Кроме того, лишено оснований их опасение, что применение подобной реституции приведет к получению приобретателем, совершившим последующее отчуждение, уплаченной цены по недействительной сделке и к сохранению им за собой полученной цены от последующей продажи. Ведь покупатель по каждому последующему недействительному договору вправе требовать возврата покупной цены от своего продавца. И так вплоть до первого договора.

¹⁵ См., напр.: Тузов Д.О. Указ. соч. – С. 514–546. Продажу чужого необходимо отличать, с одной стороны, от продажи своей вещи по нескольким договорам (ст. 398 ГК РФ) и, с другой, от продажи будущей вещи (п. 2 ст. 455 ГК РФ).

¹⁶ Тузов Д.О. Указ. соч. – С. 532.

¹⁷ Скловский К. Защита права собственности и других вещных прав: вопросы практики // Хозяйство и право. – 2010. – № 7. – С. 26.

¹⁸ Ломидзе О.Г. О правовой оценке договора, направленного на отчуждение имущества неуправомоченным лицом // Вестник ВАС РФ. – 2007. – № 5. – С. 17.

зал бы на возникновение оснований для эвикции *до заключения* договора. В то же время ответственность за эвикцию не может быть внедоговорной, ибо она наступает у продавца перед покупателем, т. е. исключительно в отношениях между договорными контрагентами.

Отмеченное противоречие легко снимается, если эвикцию понимать как изъятие (отсуждение) товара у покупателя третьим лицом по основаниям, возникшим в период после заключения договора купли-продажи и до его исполнения продавцом. Имеются в виду разнообразные ситуации, когда в указанный период времени право собственности на товар или право производного владения товаром предоставляется продавцом третьему лицу (например, по договору купли-продажи недвижимости, по которому произведена государственная регистрация перехода права собственности за другим покупателем, по договору аренды и т. п.). Именно в подобных ситуациях отчуждения своего, а не чужого имущества продавец нарушает правомерно заключенный ранее договор купли-продажи, причиняя первому покупателю убытки. Возмещение таких убытков и составляет сущность договорной ответственности за эвикцию. *Объем понятия эвикции, таким образом, зависит от того, допускается ли правом порядком продажа чужого*¹⁹.

Факт совершения недействительной сделки, принятие исполнения по которой приведет к нарушению права или охраняемого законом интереса определенного лица, является оспариванием этих права или охраняемого законом интереса. Поэтому данный факт сам по себе влечет появление у такого лица охранительного правомочия требовать признания сделки недействительной, что соответствует смыслу абз. 3 п. 2 и абз. 2 п. 3 ст. 166 ГК РФ.

А вот исполнение недействительной сделки, как правило, приводит к изменению имущественной сферы исполнившего сделку лица, затрагивая, таким образом, его право на переданную ценность или связанный с сохранением ценности интерес. Следовательно, принимая исполнение, сторона недействительной сделки нарушает обязанность, противостоящую праву (включая право на уважение имущественных интересов) другой стороны.

Кроме того, исполнение ничтожной сделки может привести к нарушению права на переданное по сделке имущество лица, не участвующего в сделке, но связанного с исполнившей стороной каким-либо регулятивным правоотношением по поводу данного имущества. В частности, неправомерное отчуждение производным владельцем имущества третьему лицу обуславливает заинтересованность собственника в признании недействительной сделки об отчуждении и применении последствий ее недействительности, если это одновременно восстанавливает нарушенное право собственности.

Таким образом, приобретатель имущества от неуправомоченного на отчуждение производного владельца обязан возвратить последнему имущество в порядке применения реституции по иску собственника в случаях, предусмотренных законом (ср., напр., абз. 1 п. 3 ст. 166 ГК РФ и ч. 3 ст. 20 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»), Соответственно надлежащим способом защиты нарушенного права собственника является здесь применение последствий недействительности сделки.

Вместе с тем указанный способ должен ограничиваться сделкой, совершенной производным владельцем, а поэтому не может распространяться на последующие сделки об отчуждении, на что обращалось внимание учеными-цивилями²⁰ и Конституционным судом Российской Федерации²¹.

¹⁹ Так, в римском частном праве, признававшем действительность договора купли-продажи чужой вещи, эвикцией вполне логично обнималось отсуждение имущества у покупателя по любым основаниям, возникшим до передачи вещи, включая и те, что существовали уже к моменту заключения договора (об этом подробнее см.: Римское частное право: учебник / под ред. проф. И.Б. Новицкого. – М., 2005. – С. 345, 349–351).

²⁰ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. – М., 2000. – С. 808–809.

²¹ См.: абз. 8 п. 3.1 постановления Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П, абз. 3 п. 2 определения

1.2.2. Кондикционное обязательство

Недопустимость неосновательного обогащения субъектов имущественного оборота вполне можно было бы возвести в ранг принципов гражданского права. И это легко объяснить – общественным отношениям, построенным на началах равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, внутренне чужда ситуация, когда один из участников без правовых оснований приобретает или сберегает имущество за счет другого. Поэтому неосновательное обогащение по общему правилу влечет возникновение обязанности возвратить полученное.

Вопрос о месте обязательства вследствие неосновательного обогащения (кондикционного обязательства) в системе охранительных гражданско-правовых отношений заслуживает отдельного внимания, поскольку та или иная трактовка данного обязательства имеет серьезные практические последствия.

Согласно ст. 1103 ГК РФ, поскольку иное не установлено настоящим Кодексом, другими законами или иными правовыми актами и не вытекает из существа соответствующих отношений, правила, предусмотренные главой 60 ГК РФ, подлежат применению также к требованиям: 1) о возврате исполненного по недействительной сделке; 2) об истребовании имущества собственником из чужого незаконного владения; 3) одной стороны в обязательстве к другой о возврате исполненного в связи с этим обязательством; 4) о возмещении вреда, в том числе причиненного недобросовестным поведением обогатившегося лица.

Существует три различных варианта толкования приведенной правовой нормы, каждый из которых по-своему определяет соотношение упоминаемых в ней требований.

Согласно получившему распространение первому варианту кондикционное обязательство является *родовым понятием* по отношению ко всем правоотношениям, предусматривающим обязанность возврата имущества, приобретенного (сбереженного) без достаточных оснований²².

Статью 1103 ГК РФ можно истолковать и в том смысле, что в предусмотренных ею случаях необходимо вести речь только о реституционном правоотношении, правоотношении собственности и т. д.; для кондикции же в указанных случаях не остается места. Вместе с тем при определении содержания соответствующего правоотношения нормы главы 60 ГК РФ должны применяться *субсидиарно*²³.

Наконец, возможен еще один вариант толкования ст. 1103 ГК РФ: она рассчитана на случаи, когда кондикционное требование возникает *наряду* с одним из перечисленных в данной статье требованием²⁴.

Определяя значение ст. 1103 ГК РФ для регулирования имущественных отношений, А.Л. Маковский справедливо подчеркнул, что «Кодекс впервые **решает** (жирный шрифт

Конституционного Суда РФ от 25 марта 2004 г. № 98-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Белоусовой Аси Алексеевны на нарушение ее конституционных прав п. 1 и п. 2 ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС.

²² См., напр.: Маковский А.Л. Обязательства вследствие неосновательного обогащения // Гражданский кодекс РФ. Ч. 2. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель/под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. – М., 1996. – С. 597–598; Эрделевский А. О соотношении кондикционных и иных требований // Хозяйство и право. – 2004. – № 7. – С. 85.

²³ Думается, что именно так видит соотношение кондикционного требования с деликтным требованием и требованием одной стороны в обязательстве к другой о возврате исполненного в связи с этим обязательством В.А. Белов (См.: Белов В.А. Гражданское право: учебник. Особ. часть. – М., 2004. – С. 709–711, 713).

²⁴ Так, к выводу о возможности параллельного существования кондикционного и деликтного обязательств пришел Р.С. Бевзенко, сославшись в обоснование данного вывода на п.2 Информационного письма Президиума ВАС от 11 января 2000 г. № 49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении», далее – Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении (Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики, под общ. ред. В.А. Белова. – М., 2008. – С. 857, 858).

мой. – В.Г.) на уровне закона вопрос о том, как соотносятся требования, вызванные неосновательным обогащением, с другими прямо предусмотренными законом требованиями о возврате имущества»²⁵.

Однако приведенные выше первый и второй варианты толкования нормы ст. 1103 ГК РФ по-прежнему оставляют данный вопрос открытым. Ведь в них по существу речь идет о наличии между сторонами одного правоотношения (реституционного, собственности и т. д. либо кондикционного), в то время как рассматриваемая статья на самом деле рассчитана на случаи, когда стороны связаны двумя правоотношениями – кондикционным и каким-либо из перечисленных в ней. Следовательно, указанные варианты нельзя признать правильными, так как они не соответствуют истинному назначению соответствующей правовой нормы.

Кроме того, принятие исполнения по недействительной сделке, договорному или иному обязательству, незаконное завладение чужим имуществом, причинение вреда не всегда сопровождаются обогащением одного лица за счет другого. Причем за пределами случаев, перечисленных в ст. 1103 ГК РФ, вопрос о родовом характере кондикционного обязательства вообще не возникает, так как нельзя назвать те правоотношения, которые могли бы рассматриваться в качестве разновидностей соответствующего рода.

Учитывая изложенное и используя метод исключения, следует констатировать: кондикционное обязательство выступает по отношению к названным в ст. 1103 ГК РФ правоотношениям не родовым, а *однопорядковым* явлением, т. е. существует параллельно с ними в случаях, когда, приняв исполнение по недействительной сделке или в связи с каким-то обязательством (в том числе договорным), незаконно завладев чужим имуществом либо причинив вред, лицо к тому же обогатилось за счет обладателя нарушенного права.

Следовательно, ст. 1103 ГК РФ допускает *совместное* предъявление кондикционного требования и одного из требований, упомянутых в подп. 1–4 данной статьи. В таких случаях содержание кондикционного обязательства определяется с учетом специальных норм, расположенных в законах или иных правовых актах о сопутствующем правоотношении. В частности, применение норм главы 60 ГК РФ может противоречить существу такого правоотношения.

Например, специальный в сравнении с нормами главы 60 ГК РФ характер имеют содержащиеся в ст. 303 ГК РФ правила о расчетах при возврате имущества из чужого незаконного владения, которые по своей сути являются правилами о неосновательном обогащении. В свою очередь п. 4 ст. 1109 ГК РФ не может быть применен к требованию о возврате исполненного по недействительной сделке (п. 11 Обзора практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении), что обусловлено спецификой реституционного правоотношения. Однако при наличии неосновательного обогащения одной стороны недействительной сделки за счет другой стороны (в том числе когда стоимость полученного одной из сторон явно превышает стоимость переданного другой стороне) сохраняется возможность применения иных норм главы 60 ГК РФ (например, содержащихся в ст. 1105 и 1107 ГК РФ).

Таким образом, значение ст. 1103 ГК РФ состоит в том, что в ней впервые на законодательном уровне провозглашена принципиальная допустимость параллельного существования одного из предусмотренных в ней правоотношений и обязательства из неосновательного обогащения. При этом полная защита нарушенного права связывается с кумулятивным удовлетворением требований. И если даже истец, обращаясь в суд, строго не разграничивает соответствующие требования, речь идет о реализации именно двух самостоятельных притязаний, что должно найти отражение в мотивировочной части судебного решения²⁶.

²⁵ Маковский А.Л. Указ. соч. – С. 594.

²⁶ Как это сделано, например, в случае, приведенном в п. 2 Обзора практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении.

Итак, достаточных оснований для выводов о том, что действующее гражданское законодательство закрепляет «генеральную»²⁷ или «субсидиарную»²⁸ кондикцию, не имеется. Применительно к содержанию ст. 1103 ГК РФ скорее следует говорить о *кумулятивной* кондикции.

Еще одно обстоятельство, которому не уделяется должного внимания в юридической литературе, – это изменение подхода законодателя к определению объема понятия кондикционного обязательства. В частности, ст. 1102 ГК РФ в отличие от ст. 399 ГК РСФСР 1922 года²⁹, ст. 473 ГК РСФСР 1964 года, ст. 133 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года не содержит указания, что обязанность возвратить имущество возникает, если основание, по которому приобретено имущество, отпало впоследствии. Такая логика законодателя вполне объяснима: неосновательное обогащение реально лишь в момент приобретения (сбережения) имущества, в связи с чем факт приобретения имущества по основанию, хотя бы и отпавшему впоследствии, не способен привести к возникновению кондикционного обязательства. Обязанность же возврата имущества в случае последующего отпадения основания его приобретения обусловлена фактом прекращения определенного правоотношения, цель которого не достигнута, в то время как вследствие исполнения данного правоотношения стороны пришли в неравное имущественное положение. Иными словами, обязанность возвратить имущество здесь – не результат его неосновательного приобретения (сбережения), а специальное последствие прекращения правоотношения. Поэтому данная обязанность должна обсуждаться в свете правил, предусматривающих конструкцию соответствующего правового отношения (например, положений договорного права)³⁰.

В пункте 1 Обзора практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении, говорится, что при расторжении договора сторона не лишена права истребовать ранее исполненное, если другая сторона неосновательно обогатилась. Представляется, что в приведенной ситуации обязанность возврата имущества связана совсем не с отпадением предусмотренного договором основания приобретения имущества (ибо отпадение такого основания имеет место во всех случаях досрочного расторжения договора), а с прекращением синаллагматического (взаимного) договора, исполнение которого привело к неоговоренному сторонами распределению имущественных благ. В данном случае обязанность возврата имущества представляет собой специальное последствие расторжения договора. Говоря иначе, п. 4 ст. 453 ГК РФ судебной арбитражной практикой дано ограничительное толкование, необходимость которого объясняется следующим соображением: оставление имущества у стороны, не предоставившей эквивалентного встречного предоставления по расторгнутому взаимному договору, *приведет* к ее неосновательному обогащению, что недопустимо. Поэтому требование о возврате имущества в связи с расторжением взаимного договора, по которому не произведено предусмотренного сторонами обмена ценностями, должно удовлетворяться на основании нормы п. 4 ст. 453 ГК РФ с учетом отмеченного ее ограничительного толкования. Изложенное позволяет не согласиться с выводом о допустимости возврата индивидуально-определенной вещи посредством кондикционного иска, аргументированным ссылкой на пример из п. 1 Обзора практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о

²⁷ Маковский А.Л. Указ. соч. – С. 592.

²⁸ Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. – С. 849 (автор очерка – Р.С. Бевзенко).

²⁹ В дореволюционном законодательстве специальных норм о кондикции не имелось. Указание же на отпадение основания приобретения имущества как на порождающий кондикционное обязательство юридический факт для ГК РСФСР 1922 года имело несомненный смысл, так как данному законодательному акту институт реституции не был знаком.

³⁰ Сказанное, однако, не относится к случаям признания судом недействительной исполненной хотя бы частично оспоримой сделки. Как отмечалось, современный законодатель в п. 1 ст. 167 ГК РФ прямо предусмотрел, что оспоримая сделка признается судом недействительной с момента ее совершения, т. е. всегда с обратной силой (хотя при этом ее действие в предусмотренном п. 3 ст. 167 ГК РФ случае и может быть прекращено только на будущее время). То есть здесь, по существу, основание отсутствует изначально, а не отпадает впоследствии.

неосновательном обогащении³¹, так как в данном примере обязательства из неосновательного обогащения вовсе нет³².

Согласно ст. 1106 ГК РФ лицо, передавшее путем уступки требования или иным образом принадлежащее ему право другому лицу на основании несуществующего или недействительного обязательства, вправе требовать восстановления прежнего положения, в том числе возвращения ему документов, удостоверяющих переданное право.

Л.А.Новоселова полагает: «**Судебное решение** (выделено мной. – В.Г.) по такому требованию будет являться основанием для перехода права к первоначальному обладателю»³³.

Иного мнения придерживаются О.Г.Ломидзе и Э.А.Ломидзе: «Под «восстановлением положения» в этом случае понимается восстановление потерпевшего как кредитора, а такое восстановление требует обратного возврата (обратного отчуждения) обязательственного права. Следует отметить, что эффект в виде отчуждения права может быть в принципе достигнут только **совершением обратной уступки** (выделено мной. – В.Г.)»³⁴.

Необходимо отметить, что вопрос о применении ст. 1106 ГК РФ имеет практический смысл до тех пор, пока право, о переходе которого в ней говорится, не реализовано «новым кредитором». В противном случае восстановление нарушенного интереса должно производиться на основании других норм главы 60 ГК РФ, в частности, ст. 1102, п. 1 ст. 1104 или п. 1 ст. 1105 ГК РФ³⁵.

Гражданское законодательство не раскрывает понятий недействительного и несуществующего обязательств. Очевидно, в первую очередь речь идет об обязательствах, предусмотренных соответственно недействительной сделкой и еще незаключенным или уже прекращенным договором³⁶. Кроме того, по смыслу ст. 1106 ГК РФ передача права по несуществующему обязательству будет иметь место в любом из случаев перехода права на основании закона, если предусмотренное последним обстоятельство, которое влечет такой переход, фактически не наступило, в то время как документы, удостоверяющие право, переданы.

Переход по недействительному или несуществующему обязательству права, которое цессионарий не успел реализовать в своем интересе с использованием полученных доказательств, невозможен в принципе. Законами логики исключен здесь и обратный переход, как на основании судебного решения, так и путем совершения обратной уступки³⁷.

Как видно, ст. 1106 ГК РФ связывает восстановление прежнего положения cedent'a исключительно с возвращением ему *доказательств* наличия права, передача которого *предполагалась, но не состоялась*, в том числе документов, удостоверяющих данное право. Поэтому

³¹ Ломидзе О., Ломидзе Э. Возврат полученного по недействительной сделке, виндикация, кондикция: соотношение способов защиты нарушенного гражданского права // Хозяйство и право. – 2008. – № 5. – С. 76, 77.

³² По этой причине нельзя согласиться с предложением включить в п. 4 ст. 453 ГК РФ правило о том, что в случае, когда до момента расторжения или изменения договора одна из сторон не исполнила обязательство либо предоставила другой стороне неэквивалентное исполнение, к отношениям сторон подлежат применению правила об обязательствах вследствие неосновательного обогащения. Пункт 4 ст. 453 ГК РФ нуждается в совершенствовании иного плана – содержащуюся в нем норму необходимо дополнить фразой: «за исключением случаев, когда до момента расторжения или изменения договора одна из сторон не исполнила обязательство либо предоставила другой стороне неэквивалентное исполнение».

³³ Новоселова Л. А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. – М., 2004. – С. 14.

³⁴ Ломидзе О., Ломидзе Э. Указ. соч. – С. 78.

³⁵ Белов В.А. Гражданское право: учебник. Особ, часть. – С. 703.

³⁶ Пункт 1 Обзора практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса РФ, сообщенного Информационным письмом Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 октября 2007 г. № 120.

³⁷ В гражданско-правовой доктрине существует мнение о том, что при правопреемстве субъективное право одного лица прекращается, а у другого лица возникает точно такое же субъективное право (см., напр.: Грибанов В.П. Правовые последствия перехода имущества по договору купли-продажи в советском гражданском праве // Осуществление и защита гражданских прав. – М., 2001. – С. 387–388; Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. – М., 2000. – С. 21–28). Нетрудно заметить, что данный подход не только не опровергает сделанных в настоящей работе выводов, а, напротив, подтверждает их правильность: при уступке права по недействительному или несуществующему обязательству уступаемое право не прекращается, а следовательно, сохраняется у cedent'a в неизменном виде.

рассматриваемая норма не имеет никакого отношения к возврату неосновательного обогащения и ее место – в главе 24 ГК РФ, посвященной перемене лиц в обязательстве.

В силу п. 4 ст. 1109 ГК РФ не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения денежные суммы и иное имущество, предоставленные во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества, знало об отсутствии обязательства либо предоставило имущество в целях благотворительности.

В судебно-арбитражной практике данная норма получила ограничительное толкование. В п. 5 Обзора практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении, арбитражным судом рекомендовано применять п. 4 ст. 1109 ГК РФ только в тех случаях, когда лицо действовало с намерением одарить другую сторону и с осознанием отсутствия обязательства перед последней.

Безусловно, в п. 4 ст. 1109 ГК РФ говорится о намеренном (с преследующим определенную цель) предоставлении имущества. Поэтому для признания имущества не подлежащим возврату в качестве неосновательного обогащения необходимо установить, что лицо предоставило имущество, осознавая отсутствие обязательства, т. е. руководствовалось иным, помимо исполнения обязательства, намерением (предполагается, что лицо предоставляет имущество *во исполнение* обязательства, ошибочно признавая себя, таким образом, связанным обязательством³⁸; кстати, в п. 4 ст. 1109 ГК РФ допущена логическая неточность: если исходить из того, что имущество передано именно во исполнение обязательства, то доказать, что лицо знало об отсутствии этого обязательства, вряд ли возможно).

Вместе с тем, в литературе верно подмечено, что «если лицо передает имущество с намерением одарить другое, а последнее его принимает, то налицо правовое основание передачи – сделка дарения, в силу чего ни о каком неосновательном обогащении не может идти и речи»³⁹.

Таким образом, с одной стороны, п. 4 ст. 1109 ГК РФ не имеет в виду ситуацию, когда имущество передано в дар (с намерением одарить приобретателя), поскольку в данном случае отношение сторон регулируется нормами о договоре дарения. С другой стороны, из п. 4 ст. 1109 ГК РФ определенно следует, что имущество не подлежит возврату в качестве неосновательного обогащения, если оно передано без намерения исполнить обязательство, об отсутствии которого лицо, требующее возврата, знало, но не должно было знать (в том числе, если имущество передано в целях благотворительности). Следовательно, по действительному смыслу анализируемой правовой нормы имущество не подлежит возврату во всех случаях намеренной неосновательной передачи имущества, за исключением случая его передачи с намерением исполнить обязательство, существование которого передавшим имущество лицом признавалось по ошибке. На случаи же передачи имущества с намерением одарить другую сторону п. 4 ст. 1109 ГК РФ не рассчитан.

Так, п. 4 ст. 1109 ГК РФ может быть применен и при наличии между сторонами обязательства по передаче имущества. В частности, если приобретатель докажет, что лицо предоставило имущество намеренно не во исполнение данного обязательства, зная при этом об отсут-

³⁸ Вследствие этого предложенное В.С. Емом выделение правовой и фактической ошибок (см.: Российское гражданское право: учебник. В 2 т. Т. II / отв. ред. Е.А. Суханов. – С. 1152–1153) представляется излишним, так как для применения п. 4 ст. 1109 ГК РФ необходимо установить, что лицо, предоставляя имущество без обязательства, действовало не по ошибке, а, напротив, безошибочно (осознанно и намеренно).

³⁹ Российское гражданское право: учебник. В 2 т. Т. II / отв. ред. Е.А. Суханов. – С. 1154 (автор – В.С. Ем). Тот факт, что при рекомендованном Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ толковании п. 4 ст. 1109 ГК РФ речь, по существу, идет о дарении, подтверждается следующей весьма показательной в этом отношении выдержкой из судебного акта: «Названная норма ГК РФ (имеется в виду п. 4 ст. 1109 ГК РФ. – В.Г.) подлежит применению только в том случае, если передача денежных средств или иного имущества произведена добровольно и намеренно при отсутствии какой-либо обязанности со стороны передающего (дарение) либо с благотворительной целью». Поскольку истец не имел намерения передать имущество в дар или предоставить его ответчику с целью благотворительности, оснований для применения этой нормы у суда не имелось» (постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25 августа 2005 г. по делу № Ф04-5116/2005 (13794-А27-30) // СПС).

ствии каких-либо иных обязательств, несмотря на состоявшуюся передачу имущества лицо так и останется должником по обязательству.

Следовательно, социальное назначение п. 4 ст. 1109 ГК РФ заключается в придании стабильности гражданскому обороту и недопущении злоупотребления правом в ситуациях, когда лицо, зная об отсутствии обязательства, предоставляет имущество с самыми различными намерениями (например, в расчете на заключение договора, возможное встречное предоставление и т. п.), а затем, когда эти намерения по тем или иным причинам не оправдываются, требует переданное обратно.

Учитывая изложенное, представляется целесообразным изложить п. 4 ст. 1109 ГК РФ в следующей более ясной редакции: «денежные суммы и другое имущество, предоставленные с иным, помимо исполнения обязательства, намерением (в том числе в целях благотворительности), если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества, знало об отсутствии обязательства передать соответствующее имущество».

1.3. Внеэквивалентные охранительные обязательства

Внеэквивалентная охранительная обязанность возникает вследствие нарушения, не связанного с переходом имущественной ценности потерпевшего в распорядительную сферу нарушителя: той имущественной ценности, которую нарушитель обязан передать потерпевшему, у последнего до нарушения не существовало. Соответственно восстановление нарушенного положения потерпевшего производится нарушителем за счет собственной имущественной сферы, в чем, собственно, и заключается внеэквивалентность рассматриваемой охранительной обязанности. Вместе с тем в случае с обязательством по уплате процентов годовых не исключается, что нарушитель, причиняя потерпевшему урон, приобретает имущество в виде доходов от пользования чужими денежными средствами. Однако данное обстоятельство для квалификации правоотношения в качестве вне-эквивалентной охранительной связи irrelevantно. Главное – это наступление у потерпевшего неблагоприятных последствий, которые не выражаются в переходе его, *существовавшего до нарушения* имущества нарушителю. Сказанное позволяет также отграничить обязательство по уплате процентов годовых от кондикционного правоотношения: приобретение имущества в виде доходов от пользования чужими денежными средствами не является следствием нарушения права и, к тому же, производится на предусмотренных законом или договором основаниях (например, посредством размещения нарушителем денег на собственном депозитном счете в банке).

Внеэквивалентными охранительными правоотношениями являются: обязательство по возмещению убытков, обязательство натурального возмещения, обязательство по уплате процентов годовых.

1.3.1. Обязательство возмещения убытков

Возмещение имущественного ущерба достигается посредством исполнения нарушителем обязанности, существующей в рамках охранительного обязательства с внеэквивалентным (дополнительным) имущественным обременением. Основанием возникновения данного обязательства является нарушение субъективного права как юридический факт. Само же нарушенное право может быть относительным (обязательственным) или абсолютным. Соответственно этому выделяется обязательственное и внеобязательственное причинение вреда. В свою очередь, в зависимости от вида нарушенного относительного права, обязательственное причинение подразделяется на договорное и внедоговорное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.